

О реализме советского кино

Виктор Владимирович Славутинский ©

Введение

В годы Перестройки установилось мнение о соцреализме как о форме пропаганды, которое, впрочем, со временем достаточно сильно размылось — с одной стороны под напором фактов, с другой в связи со сменой политической обстановки.

Хотелось бы, спустя годы, вернуться к вопросу о том, насколько социальный/социалистический реализм, вообще советское искусство, отвечали своему наименованию, были реалистичными, и посмотреть на него объективно.

Содержание

Для этого выбрал, памятуя известную фразу, советское кино — с одной стороны самый массовый из видов тогдашнего искусства, с другой достаточно затратный, и потому ограниченный разумным числом произведений, поддающихся учёту трудом одного человека.

Данные, легшие в основу этого маленького исследования, это упоминания о советских фильмах в общедоступных источниках, от 1923го года, в котором таких нашлось три, до 1991го, в котором упомянуто сто тридцать пять; данные по конкурсу «Лучший Фильм Года», который проводился журналом «Советский Экран» с 1957го, в котором его победителем стала «Высота» с Высоцким, и до 1991го, в котором победили «Небеса Обетованные» Рязанова; и доступные ранее только специалистам данные по лидерам советского проката с 1940го по 1989й года, по спискам киноведа Сергея Кудрявцева.

В начале исследования составил таблицу жанров по степени их реализма, ранжированную от 1 до 9:

1. Анимационный фильм
2. Фантастика, триллер, ужасы, притча, сказка
3. Приключенческий, криминал
4. Агитационный, военный без однозначного исторического прототипа, исторический с заведомым значительным искажением фактов
5. Комедия, детский, музыкальный за исключением оперы
6. Мелодрама, киноопера
7. Драма, киноповесть
8. Исторический, биографический, имеющий реальную историю в качестве прототипа
9. Документальный, научно-популярный

На всякий случай, пара фраз о том, почему ранжирование произведено именно так.

В анимационном фильме всё продукт авторского взгляда художника. Он может соответствовать действительности, но соответствие продукта всегда меньше чем какого угодно живого актёра и какого угодно настоящего предмета.

Фантастика заведомо свободна от претензий на реалистичность показываемого в ней. Может быть так было, будет, может быть; нет такой сказки которая заверяла бы зрителя что она начнётся с ним самим по выходу из кинозала. Она иногда намекает на такую возможность, но намёк это одно, а обещание другое; обычно в сказке есть то, что прямо сейчас категорически за пределами возможного. Между тем, актёры и предметы в ней реальны.

В приключенческом фильме происходят вообще возможные, но мало, или крайне мало, вероятные вещи. Патронов в револьвере двадцать, прыжок с поезда на ходу обходится без шибов, тем более переломов; одновременно и то, и другое — и так далее, и так далее.

Про агитационный фильм наверняка можно сказать что есть вполне определённая сила, которая его заказала. Сказанное в нём может быть и лапшой на уши, но, в отличие от приключенческого, что-то реальное точно есть за ним; вместо как возможное — реальное.

В комедийном фильме всё всегда оборачивается самым лучшим образом — и обычно может на самом деле таким образом обернуться. Разница с приключенческим — в том, что нет прыгающих с поезда на ходу. Вероятность выше. С агитационным — что в агитационном всё оборачивается лучшим образом только для конкретной силы, а в комедийном для всех. На деле такой вариант более реалистичен; возможно в кратковременной перспективе нет, а вообще да.

Мелодрама трактует действительность с точки зрения чувств, это упрощение, игнорирующее многие аспекты обуславливающие её вне эмоций. Она более реалистична чем комедия, поскольку в ней может быть и так, что всё хуже чем хорошо; однако она даёт о жизни в целом достаточно искажённое представление, в котором удовлетворены все потребности людей кроме чувственных, и нет определённости их отношений нуждами вовне личных.

Драма правдоподобна, просто нет людей с которыми она происходила. Вполне могла бы, или даже случилась по частям с разными людьми, и части эти совместимы без пренебрежения теорией вероятности.

Честный исторический фильм это почти правда, отличная от реальности тем, что играющий историческое лицо актёр от самого лица отличается, и далеко идущие выводы о первом по второму делать ошибочно. Экранным «Лениным» движет, вместо как то, что двигало настоящим, то, как сейчас его понимают. Оно может быть очень близко, но различие всегда есть, и очевидно всякому знающему о прототипе больше актёра и режиссёра.

Документальный фильм отличается от действительности только тем, что факты в нём специально подобраны. Чтобы дать о них наилучшее представление; однако так оказываются менее видны другие, тоже значимые, иногда и значимые в большей степени.

Понятно, что может быть такой шедевр как полностью исторический анимационный фильм, и такой шедевр как сатирическое псевдо-научно-популярное кино, выдающее за научный факт полную околесицу. Между тем, на статистику оба влияют мало, являясь исключениями вместо правил. Анимацию смотрят ради чуда, документалистику ради факта — для посмотревшего их зрителя исключительные шедевры значимы, статистически в сотнях произведений теряются.

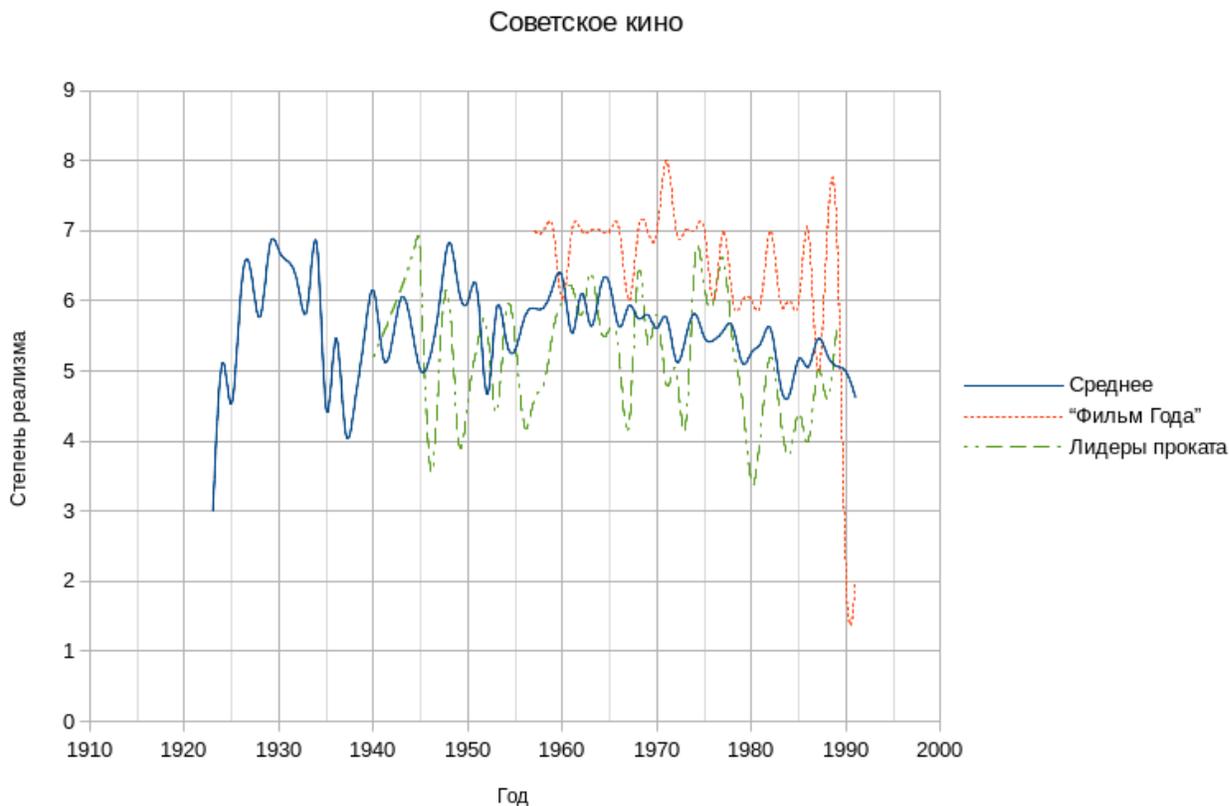
Потому каждый фильм из рассмотренных, общим числом около трёх с половиной тысяч, был внесён в только одну категорию, согласно его общедоступному описанию, а в случаях сомнений по доступной критике. Реалистичность смешанных жанров оценивалась по меньшей из категорий: если, к примеру, лента совмещала менее объективную фантастику, и более реалистичную мелодраму, то она оценивалась как фантастическая.

Полученные числа были усреднены по годам.

Оценка реалистичности «Фильма Года» была взята из уже собранной таблицы. Из отечественных лидеров проката за каждый год была выбрана первая пятёрка, и числа по ней так же были усреднены.

Результаты представлены на графике.

График 1. Реалистичность советского кино от года.

Здесь сразу же бросается в глаза что культурно подкованные киноманы, подписчики «Советского Экрана», почти всегда — за исключением случайности в 1960м, когда лучшей оказалась мелодрама «Серёжа» Данелии, такой же случайности с трагикомедией «Курьер» Шахназарова во второй половине восьмидесятых, и двух последних лет существования СССР, когда образованные люди закономерно выбрали отвлекающие от тяжких мыслей фантастическое «Подземелье Вейдов» Юрия Мороза, и ранее упомянутую фантастическую же мелодраму «Небеса Обетованные» Эльдара Рязанова — задавали более высокую планку именно реализма, чем предлагало среднее советского кинопроизводства.

Основной их запрос почти всегда был драмой, мелодрамой самое меньшее.

Второе, что так же заметно сразу — объективность лидеров проката, картин за которые голосовал рублём простой народ, практически всегда, за исключением победного 1945го, и золотой для советского артхауза вроде Тарковского середины семидесятых, оказывалась ниже среднего уровня.

Пик 1968го обусловлен двумя приключенческими фильмами про разведчиков, имевшими, однако, под собой полностью реальные истории, и скорее флуктуация. Про семидесятые чуть позже, пока следует отметить что интересы публики колебались между мелодрамой и «кино про войну».

Далее, рассматривая график внимательнее, легко заметить прямое соответствие такого параметра, как реалистичность кинематографа — степени сложности, трудности, жизни народа который кино смотрел. Чуть подробнее об этом.

Советский кинематограф начинался в двадцатые с оглядкой на западный, и состоял из фильма скорее развлекательного свойства; знаменитый исторический шедевр «Броненосец Потёмкин» 1925го года статистически теряется на фоне как пристойной фантастики, типа «Аэлиты», так и менее пристойной мистики, типа «Медвежьей Свадьбы», по которой сатирически проходились и Ильф с Петровым, и Маяковский.

Сатиры оказалось мало, и власть взяла дело формирования культуры в свои руки; к 1930му соцреализм как направление на деле уже был определяющим в советской культуре, и нёс зрителю фильма типа «Тихого Дона»: «Города и Годы», «Земля Жаждет», «Ветер в Лицо» — одни названия уже говорят о среднем исторического кино и драмы.

Иллюзион вернулся в середине тридцатых, опять же, принудительно. Страна готовилась к очень серьёзной войне, с жестокостью военного времени в мирном, и отвлекала себя от этого: фантастикой — «Космическим Рейсом» с научной, впрочем, редактурой самого Циолковского; агиткой — «Ленин в Октябре»; начавшей поднимать голову советской анимацией, и комедиями типа «Свинарка и Пастух».

Ближе к войне, к сороковым, степень реализма начала повышаться обратно; в том числе и фильмов про войну будущую. Чем ближе, тем больше было кино про неё, сначала абстрактного, навроде «Глубокого Рейда» 1937го, а в «Эскадрилье 5» или «Танкистах» 1939го она уже идёт именно с Германией.

В саму войну, логично, было снято много лент агитационных, и исторических, о битвах дней иных — «Кутузов», «Иван Грозный»; которые друг друга компенсировали в смысле объективности до уровня мелодрамы. Примечателен взлёт запроса на реализм в 1945м — победивший народ уже хотел серьёзного, а производство чуть отстало.

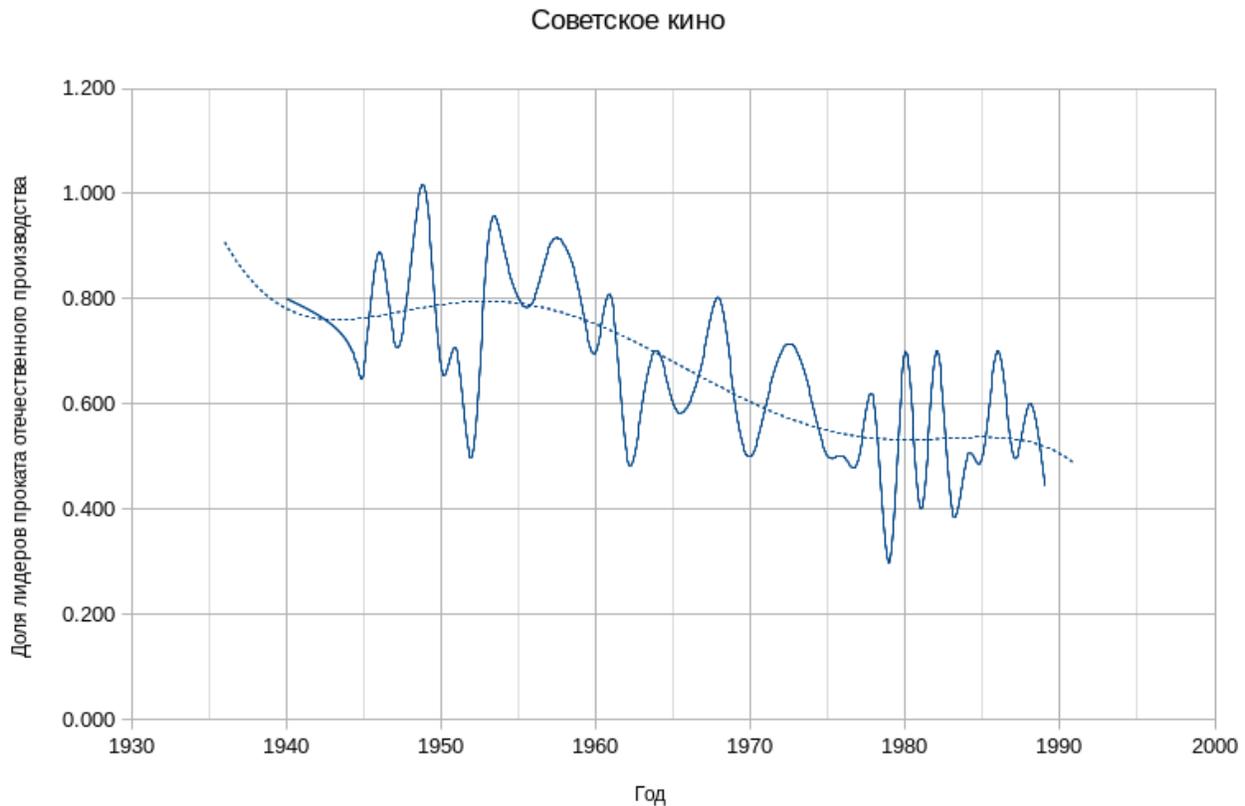
Следующая заметная точка графика — 1952й. Большое количество комедий подтверждает что власть начала раскручивать следующий виток репрессий, но ему помешала её смена в 1953м.

Последний крупный пик здравомыслия в искусстве, притом спрос и предложение тогда друг другу соответствовали — начало шестидесятых, с «Балтийским Небом» и «Девятью Днями Одного Года». После началась долгая, но последовательная, эрозия построенной системы. Ко второй половине шестидесятых средний уровень был уже мелодрама, и он последовательно снижался; два раза, в 1984м и 1991м, обвалившись ниже комедии, до показателей времён чисток.

Первый раз это был первый звоночек, после которого началась Перестройка, а второй уже был полным распадом советской системы, и советского кинематографа в частности.

Теперь пара строк о странном пике запроса на объективность в середине семидесятых. Думаю, его причины можно увидеть на следующем графике, показывающем долю лент отечественного производства среди десятки лидеров проката каждого года.

График 2. Доля лидеров советского кинопроката отечественного производства.

В действительности, вопреки представлениям о советской закрытости, отечественный прокат всегда включал какую-то долю зарубежного кино, весьма зрителя интересовавшую; за исключением, может быть, 1949го, когда пахло войной вообще со всеми. Понятно, это были фильмы специально выбранные, удовлетворявшие в целом социалистической политике; но они были, и смотрелись хорошо.

Доля их постепенно росла, и именно в середине семидесятых составила половину, вместо как кратковременно и случайно, на плановой основе. Притом кино это, что легко можно проверить, было в основном развлекательного свойства, и по зрелищности с отечественным сравнивалось как минимум.

Думаю, запрос на реализм был определён тем, что отличное от него в значительной степени начало покрываться зарубежным производством, а об отечественных реалиях снять из-за рубежа объективную ленту крайне затруднительно; на память приходит один подобный фильм, с церковными куполами, надстроенными над жилой избой.

Выводы

Соцреализм, как показывает исследование, действительно был реализмом. В лучшие его года средним продуктом советского искусства — думаю, с учётом тотальности тогдашнего контроля вполне правомочно искать под фонарём, и экстраполировать кино на искусство вообще — была реалистическая драма, семь баллов объективности из десяти.

Более того, искусство достигало вершин реализма именно тогда, когда общество в целом достигало вершин эффективности и производительности по-хорошему.

Для сравнения, средний уровень современного потока, который легко самостоятельно посчитать по известным его лидерам и приведённой таблице жанров — тот же самый, что был до формирования соцреализма, приключенческие три из десяти. И кино отечественного производства занимает в нём весьма умеренную часть, три фильма из десятки лидеров.

Можно очень по-разному к этому относиться, но то искусство имело целью человека чему-то полезному о жизни научить; тогда как современное, идя у него на поводу, имеет целью его от жизни отвлечь.

И потому то воспринималось как правда, даже когда от неё отличалось, а это нет, даже когда оно почти полной правдой является.